

И.С. Чистова

«Смерть поэта»

Стихотворение «Смерть поэта» (1837) — отклик Лермонтова на трагическую гибель Пушкина — занимает в истории отечественной литературы особое место: это наиболее ранняя по времени и несравненная по поэтической силе обобщающая оценка исторического, всенародного значения Пушкина, его «дивного гения» для России, и в этом смысле выдающийся акт общественного, национального самосознания. Лермонтов, по словам его младшего современника, в «жгучем, поэтическом ямбе первый оплакал поэта, первый кинул железный стих в лицо тем, которые ругались над памятью великого человека» (А. Дружинин). И вместе с тем именно данное стихотворение, обнаружившее всю силу лермонтовской любви и лермонтовского отрицания, возвестило приход в литературу нового великого поэта: Лермонтов был воспринят современниками как достойный наследник Пушкина.

Структура стихотворения отличается одновременно сложностью и стройностью композиции; несколько внутренне законченных фрагментов, имеющих каждый свою стилистику, объединены общим пафосом, подчинены общему развитию идеи. В стихотворении легко выделяются три относительно самостоятельных части. Первая (33 строки) энергично вводит основную тему в ее особом, лермонтовском повороте: не просто гибель поэта, но убийство — неизбежное следствие его давнего одинокого противостояния «свету»; не только скорбь надгробного слова, но и страстность гневной, разоблачающей инвективы. В своем обвинении Лермонтов поразительно точен: оно не расширено до мироустройства в целом (как во многих других произведениях), но и не сведено к прямому убийце, чей нравственный портрет — бездушного и безликого ловца «счастья и чинов», человека с «пустым сердцем» — запечатлен несколькими уничтожающими штрихами. Лермонтов сумел во всей глубине выявить общий исторический смысл трагедии («судьбы свершился приговор»); отвергая «жалкий лепет оправданья», он обвиняет как соучастников преступления всех врагов и гонителей «свободного, смелого дара» поэта.

Вторая часть (следующие 23 строки) по своему интонационно-стилистическому строю заметно отличается от первой. Страстная инвектива на время как бы уступает место надгробной элегии, скорбной резиньятии по поводу безвременной гибели героя-певца. Соответственно меняется стих: 4-стопный ямб и простота строфической организации (преобладает четверостишие с перекрестной рифмовкой) сменяются вольным (4-5-6-стопным) ямбом, к которому Лермонтов часто прибегал в своей медитативной лирике, и усложненной, изменчивой строфикой. В этой части Лермонтов более всего лиричен; здесь он в наибольшей степени дает волю острому, глубоко личному чувству любви и боли. И естественно, что именно здесь с особой отчетливостью возникает поэтический облик Пушкина, данный сквозь призму авторского восприятия.

«Смерть поэта» наполнена отзвуками пушкинских тем и образов — свидетельство погруженности Лермонтова в пушкинскую поэтическую стихию. Так возникает аналогия с Ленским, «сраженным, как и он, безжалостной рукой». Но гибель Ленского (образ которого Лермонтов воспринимает здесь как поэтически-идеальный, без учета «снижающих» черт) — достаточно общая параллель. Более существенна для поэтической идеи Лермонтова прямая переключка с пушкинским «Андреем Шенье» — элегией о поэте, гибнущем на «кровавой плахе», где герой, в частности, говорит:

Зачем от жизни сей, ленивой и простой,
Я кинулся туда, где ужас роковой,
Где страсти дикие, где буйные невежды,
И злоба и корысть!..

Соответствующие строки «Смерти поэта» выдержаны в тех же элегич. и отчасти идиллич. тонах:

Зачем от мирных ног и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?

Здесь и горечь сожаления, и как бы упрек Пушкину: поэт не должен принимать законы «ничтожного света», не должен вступать в круг принятых в нем норм поведения и морали. Тот же оттенок (вместе с сознанием невозможности для Пушкина поступать иначе как по законам чести) можно усмотреть и в начальном определении поэта как «невольника чести», которое, в свою очередь, также является знаменательной пушкинской реминисценцией. Оно заимствовано из посвящения к поэме «Кавказский пленник» (как известно, не лишенной автобиографического элемента):

Невольник чести беспощадной,
Вблизи видал он свой конец,
На поединках твердый, хладный,
Встречая гибельный свинец.

В качестве надгробной элегии «Смерть поэта» продолжает традицию, восходящую к «Умирающему Тассу» К.Н. Батюшкова, а также к написанному в связи со смертью драматурга В.А. Озерова посланию В.А. Жуковского «К кн. Вяземскому и В.Л. Пушкину», откуда в стихотворение Лермонтова вошли некоторые словосочетания и риторические фигуры:

Зачем он свой сплелать венец
Давал завистникам с друзьями?
Пусть Дружба нежными перстами
Из лавров сей венец свила —
В них Зависть терния вплела;
И торжествует: растерзали
Их иглы славное чело...

Однако в стих. Лермонтова вернее видеть не столько следование, сколько преодоление традиции. Враг лермонтовского героя — не отвлеченно-романтическая «зависть», а нечто социально вполне конкретное — «свет завистливый и душный»; смерть поэта — не просто безвременная кончина, но гибель от руки «хладнокровного» убийцы. Традиционные элегические формулы («чудные песни», «приют певца») «взрываются» инвективой, теряют свою элегичность, созерцательность. Личный тон, эмоциональная насыщенность лермонтовского ораторского стиля и декламационного стиха находят выражение в обилии антитез, вопросительных, восклицательных интонаций и гипербол.

Третью часть стихотворения, относительно самостоятельную в композиционном и интонационно-стилистическом отношении, составляют последние 16 строк — знаменитое «прибавление». От элегической медитации здесь не остается и следа. Возврат к мотивам первой части стихотворения звучит уже во многом по-новому, на новом накале страсти и отрицания; отсюда усложненный, прерывающийся синтаксис (особенно первых двух четверостиший), предельная резкость контрастов, острая афористичность. Обвинение здесь вырастает в проклятие. В концовке стихотворения Лермонтов одновременно конкретизирует и расширяет социальный «адрес» своего обличения. Говоря:

...Надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов,

он, несомненно, имел в виду определеннный слой петербургской знати, ту ее часть, которая завоевала принадлежность к высшему кругу путем подбострастия, интимных связей, дворцовых интриг. В собрании Н.С. Дороватовского сохранился список стихотворения,

на последней странице которого перечислены имена «наперсников разврата» — графы Орловы, Бобринские, Воронцовы, Завадовские, князья Барятинские, Васильчиковы, бароны Энгельгардты и Фредериксы (список обнаружен и прокомментирован И. Андрониковым). В стихотворении «Моя родословная» Пушкин зло иронизировал по поводу новой послепетровской знати. Саркастические строки о тех, кто, унаследовав «известную подлость» отцов, сочетал в себе «надменность» и «рабство» (ср. «Страна рабов, страна господ» в стих. Лермонтова «Прощай, немытая Россия»), написаны с очевидной ориентацией на стихотворение Пушкина. (Так Лермонтов оказался участником характерного для 1830-х гг. спора о роли дворянства в развитии.) Для понимания обобщенно-социального смысла стихотворения важны слова:

Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!..

Речь уже идет не только о врагах Пушкина, но о всегдашних палачах «Свободы, Гения и Славы». Единственное, что может поэт противопоставить их безнаказанной и подавляющей силе, — это свое презрение и веру в неотвратимость высшего суда, в котором для Лермонтова, очевидно, сливаются «Божий суд» и суд истории. Верой в неотменимость возмездия проникнуты не только заключительные строки стихотворения, где его гневный пафос достигает наивысшей мощи («И вы не смоете...»), — ретроспективно она освещает все стихотворение.

Характерное для «Смерти поэта» сочетание элегического и ораторского начал (при решительном преобладании последнего) обусловило трудности в определении жанрово-стилистической принадлежности как последних 16 строк, так и стихотворения в целом: «политическая сатира» (И. Боричевский), «политич. ода» (Б. Эйхенбаум), «ода-сатира» (К. Бархин) и др.; ни одно из подобных определений нельзя признать исчерпывающим.

Лермонтов был болен, когда ему стало известно о дуэли. О последних днях Пушкина он знал от лечившего его доктора Н.Ф. Арендта, который навещал тяжело раненного поэта, и, вероятно, от общих знакомых. Основная часть (56 строк) стихотворения была написана, по-видимому, 28 января, в квартире Е.А. Арсеньевой, «под свежим еще влиянием истинного горя и негодования» (А.П. Шан-Гирей). Существует копия этой части стихотворения с датой, принадлежащей неизвестному переписчику, — «28 Генваря 1837 г.». Несмотря на то, что этой дате противоречит текст стихотворения (в нем говорится о смерти поэта как свершившемся факте), она принята некоторыми исследователями (И. Андроников), ссылающимися на то, что слухи о состоянии Пушкина постоянно менялись. Заключительные 16 строк написаны через несколько дней после смерти Пушкина — в ответ на суждения лиц, оправдывавших убийцу поэта; их точку зрения защищал родственник Лермонтова, камер-юнкер Н.А. Столыпин, посетивший Лермонтова в его квартире на Садовой в одно из воскресений первой половины февраля. Первое упоминание о «прибавлении» содержит письмо А.И. Тургенева к А.Н. Пещурову от 13 февраля; 17-го о нем пишет А. Н. Карамзин; 1 марта стихотворение было послано в Париж Н.И. Тургеневу.

Стихотворение Лермонтова явилось событием в литературной и общественной жизни конца 1830-х гг. В короткое время оно стало известно в широких кругах петербургского общества. Его высоко оценили В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, В.Ф. Одоевский, П.А. Плетнев, А.Н. и С.Н. Карамзины и другие друзья Пушкина, со многими из которых Лермонтов с этого времени особенно сблизился. Действительно, более чем кто-либо из других поэтов, откликнувшихся на смерть Пушкина (П.А. Вяземский, А.В. Кольцов, Е.А. Баратынский, Ф.Н. Глинка, М.Ф. Ахундов, В.А. Жуковский, Ф.И. Тютчев, А.И. Полежаев, Н.П. Огарев), Лермонтов сумел выразить чувство беспредельной «сердечной горечи» и гражданского негодования. В.В. Стасов, в 1837 ученик Училища правоведения, вспоминает о том, как «подымала сила лермонтовских стихов», как «заразителен был жар, пламеневший в этих стихах. Навряд ли когда-нибудь еще в России стихи производили

такое громадное и повсеместное впечатление». Стихотворение распространялось в копиях, сделанных друзьями Лермонтова (прежде всего С.А. Раевским), как в первоначальной редакции (известно, что одна из ранних копий сделана 30 января), так и в полном варианте. В некоторых списках тексту стихотворения предшествовал эпиграф, взятый из трагедии Ж. Ротру «Венцеслав» (1648), переделанной для русской сцены А. Жандром (запрещена цензурой к постановке; отдельные сцены опубликованы в «Русской Талии» за 1824), и содержащий обращение к государю с требованием отмщения убийце («Отмщенья, государь, отмщенья!»).

В придворных кругах стихотворение было расценено как «бесстыдное вольнодумство, более чем преступное» (докладная записка А.Х. Бенкендорфа Николаю I). Полный текст был получен Бенкендорфом в середине февраля (первая часть стихотворения, известная раньше, не вызвала никаких нареканий). Было заведено дело «О непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии гусарского полка Лермантовым, и о распространении оных губернским секретарем Раевским»; 18 февраля Лермонтов был арестован (мнения исследователей о точности этой даты расходятся); несколько позже был арестован и Раевский, а уже 25-го стало известно решение Николая I перевести Лермонтова «тем же чином в Нижегородский драгунский полк, и губернского секретаря Раевского... отправить в Олонецкую губернию для употребления на службу».

В длинной цепи фактов, из которых складывается история создания стихотворения «Смерть поэта», не хватает многих звеньев. Отсутствуют достаточно точные хронологические данные; воспоминания современников освещают события очень приблизительно. Хотя круг источников остается прежним, существует ряд версий относительно последовательности создания отдельных частей стихотворения, времени появления эпиграфа и его роли в идейном содержании (В. Архипов, В. Кирпотин, И. Девицкий, Т. Иванова). Не решены окончательно и некоторые текстологические вопросы. По традиции, идущей от П.А. Ефремова (ссылавшегося на А. Меринского), стих 66 в некоторых изданиях печатался в варианте: «Есть грозный судия: он ждет». Ныне на основании дошедших списков принят другой вариант («есть грозный суд»), в пользу которого высказывается И. Андроников и другие исследователи.